

И. Б. ИТКИН

**ДВЕ ЗАМЕТКИ О БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТАХ:
Смол. 12, Торж. 4**

**І. Вокруг одной буквы:
к интерпретации берестяной грамоты Смол. 12**

Смоленская берестяная грамота № 12, датируемая серединой XII в., — интересный и трудный для изучения документ, уже становившийся предметом подробного рассмотрения в работах А. А. Зализняка и А. А. Гиппиуса, см. [ДНД₁: 289—291; ДНД₂: 344—346; Гиппиус 2004: 227—228]. Ныне — с учетом наиболее надежных конъектур — текст грамоты выглядит следующим образом [ДНД₂: 344]:

Внутренняя сторона:

(Ṽ) [и]бана ко роу силе выправи ми дѣбр...
--- ю арине въземи оу кѣнѣзюа грѣноу оу нежа...
ал[и] ти не въдасть а въземи (в)ѣ третѣ а лти ...
къ да же ти ми боудете дѣбр[о] (а) присълоу ти ...
оже хѣчешн пѣ-ѣне а присъли - - - - [ѣ] челѣв[ѣ](к)...

Внешняя сторона:

чи ти поченете (ч)ѣтѣ лести(ти) ...
а не мози четѣ мѣлѣвннн

Предметом нашего рассмотрения будет в первую очередь пятая строка грамоты, точнее — содержащий единственную утраченную букву отрезок **пѣ-ѣне**. Из всех — довольно многочисленных — теоретически мыслимых вариантов заполнения данной лакуны А. А. Зализняк и А. А. Гиппиус считают наиболее вероятным вариант **пѣ (м)ѣне**. При этом А. А. Гиппиус переводит соответствующий оборот как «(вслед) за мной»¹, тогда как А. А. За-

¹ При этом приведенный в [Гиппиус 2004: 228] в подтверждение такой трактовки пример из берестяной грамоты Твер. 2: *а азю по тебе буду само* — в действительности параллелью к рассматриваемому фрагменту служить не может: *тебе* является здесь формой не дательного, а винительного падежа (на это обстоятельство нам указал сам А. А. Гиппиус (устное сообщение)).

лизняк наряду с этим пониманием допускает и другое — «в соответствии с моим желанием, по моему вкусу», — иллюстрируя возможность такого перевода примером из «Жития Андрея Юродивого»: *и аще бы по мнѣ* [ДНД₂: 345].

На наш взгляд, подобное решение далеко не бесспорно. Прежде всего, вызывает сомнения сама возможность конструкции **хотѣти по комь*, как будто не находящей себе аналога ни в каких других текстах. Как в примере из «Жития Андрея Юродивого», так и в современном выражении *это (не) по мне* оборот с предлогом *по* зависит не от глагола *хотеть*, а от глагола *быть*. Кроме того, при любом понимании гипотетического **пѣ (м)ъне** остается неясным, зачем (или, вернее, за чем) Русице посылать к Ивану человека, а вся фраза производит впечатление некоторой темноты и неуклюжести, для берестяных грамот совершенно нехарактерной. Конечно, чтение **пѣ (м)ъне** можно было бы принять, окажись оно лучшим из всех возможных, но, как мы надеемся показать, дело обстоит не так.

Наше решение, насколько нам известно, никем ранее не предлагавшееся, основано на том, что рассматриваемый фрагмент находит себе исключительно точную параллель — до сих пор, судя по всему, также не привлекавшую к себе внимания — в другом берестяном документе, новгородской грамоте № 8 (рубеж XII—XIII вв.), заключительная часть которой имеет следующий вид [ДНД₂: 434]:

...ожь хочьши коровь а едеши по коровѣ а възи три гривнь
«Если хочешь корову и едешь за коровой, то вози три гривны».

Как видно, сходство действительно очень велико. В обоих случаях использован оборот «**ожь хочьши X, а P!**», где P! — форма повелительного наклонения. Единственное серьезное различие, наблюдаемое между двумя фрагментами, строго говоря, лишь подчеркивает параллелизм отраженных в них ситуаций: если в грамоте № 8 предполагается, что владелец пойманной коровы явится за ней лично (отсюда добавление **а едеши по коровѣ**), то автор грамоты Смол. 12 знает, что Русица не может сам приехать к нему, и вполне резонно предлагает, чтобы тот прислал человека. Есть все основания полагать, что и отрезок **пѣ-ъне** устроен аналогично отрезку **коровь**, т. е. представляет собой не сочетание с предлогом *по*, а форму род. п. (в грамоте № 8, как и в других берестяных грамотах, форма *хочеши* управляет именно родительным падежом) существительного женского рода, обозначающего движимое имущество, за которым можно — и осмысленно — кого-либо отправить. И такое существительное действительно обнаруживается: *попона*.

Таким образом, мы предлагаем интерпретировать пятую строку грамоты Смол. 12 следующим образом: **оже хъчеши пѣ(п)ъне а присъли** - - - - [ѐ] **челъв[ѐ](к)**... «Если хочешь попону, пришли ... человека...». Для лакуны, следующей за формой **присъли**, А. А. Гиппиус предполагает восполнение (**къ мън**)[ѐ] [Гиппиус 2004: 228]. Это решение, идеально проходящее по буквам, в то же время выглядит несколько избыточным в коммуникативном плане. С другой стороны, для самой, пожалуй, напрашивающейся

конъектуры (**въ вѣръъз**)[ε] ‘срочно, спешно’, насколько можно судить, не хватает места. Может быть, автор письма в данном случае употребил необычное для берестяных грамот беспредложное (**вѣръъз**)[ε] (ср. **ворзо** в поздней грамоте № 131)?

С содержательной точки зрения чтение **пѣ(п)ъне** выглядит вполне правдоподобным. Как показывает материал других берестяных грамот, где встретилось это слово, попоны в Древней Руси обладали достаточной ценностью: см., в частности, грамоты № 65 и 78, авторы которых обращаются к адресатам с просьбой в числе прочего имущества привезти или взять одну или несколько попон, и особенно № 718, где две попоны фигурируют в перечне погородья (одного из видов дани), взятого с Бежецкого Городца, наряду с тремя яловыми коровами.

В случае принятия чтения **пѣ(п)ъне** (<по(п)онѣ>) неизбежно возникает вопрос о возможности употребления в смоленской берестяной грамоте «новгородского» диалектного окончания род. п. <-ѣ> на месте стандартного *-ы*. Как представляется, ответ на этот вопрос вполне может быть положительным.

Прежде всего, трактовка грамоты Смол. 12 как новгородской, помимо, разумеется, места ее находки, базируется фактически только на употреблении императива **не можи** вместо новгородского *не моги*. На наш взгляд, этот аргумент при всей его весомости нельзя считать решающим: соответствующая форма может быть просто элементом книжности. С другой стороны, инфинитив **мѣлѣвити** демонстрирует рефлекс сочетания **ТЬЛТ*, характерный прежде всего как раз для Новгорода: показательно, что в берестяной грамоте Смол. 2/3, написанной, правда, значительно позже (ориентировочно в 3-ей четверти XIII в.), встретились формы **молвь** и **столпья** [ДНД₂: 521].

Если же рассматривать грамоту Смол. 12 как отражающую именно древнесмоленский говор, что все-таки представляется более вероятным, то и в этом случае употребление окончания род. п. <-ѣ> никоим образом не может считаться аномальным: то же окончание обнаруживается в грамоте Смол. 9/8, где находим **пѣло съме р[ги]в[нѣ]** (вместо <зривнѣ>); как специально отмечает А. А. Зализняк [ДНД₂: 462], чтение **р[ги]в[ны]** невозможно). Тем самым, формы **р[ги]в[нѣ]** и **пѣ(п)ъне** взаимно поддерживают друг друга, свидетельствуя о том, что замена *-ы* на *-ѣ* в формах род. п. существительных *a*-склонения была характерна не только для новгородской, но и для смоленской зоны.

Обнаружение в грамоте Смол. 12 формы род. п. на *-ε* позволяет задаться вопросом о возможности аналогичной интерпретации и для словоформы **ѡрине**. Обычная трактовка этой словоформы как дат. п. с учетом наличия в той же фразе несомненного дат. п. **ми** ‘мне’ требует достаточно сложных синтаксических построений, тогда как ее трактовка как род. п. позволяет — по крайней мере, при понимании **ѡрине** не как имени собственного *Ярина*, а как нарицательного существительного ‘яровой хлеб’ — предполагать наличие в первых двух строках грамоты простейшей конструкции типа **выправн ми дѣвр(ε сътворѡ деж)ю ѡрине** «пожалуйста, добудь мне

кадь ярового хлеба»; в этом случае становится вполне понятно, на что должна быть потрачена Конозюева гривна.

Таким образом, предлагаемая интерпретация отрезка **пѣ-ѣне** как **пѣ(п)ѣне** не только не встречает каких-либо непреодолимых препятствий, но и намечает пути разрешения ряда проблем, возникающих при анализе грамоты Смол. 12.

II. Вокруг одной бочвы: берестяная грамота Торж. 4

Небольшая грамота Торж. 4, от которой сохранилась только средняя часть, в издании представлена следующим образом [НГБ XI: 122]:

...-оу
БОЦЕВЕДВЕГРИВНЕВОЗВОРОТНОПА
[КЫ]Т-МОН...

В тексте грамоты несомненно имеются синтагмы **ДВЕ ГРИВНЕ** «две гривны» и **ВОЗВОРОТНОПА[КЫ]** «верни назад», начало же и конец сохранившейся части документа пока не получили убедительной интерпретации. В частности, по замечанию публикаторов, «словоформа *боцeve* (имя собственное?) выделяется ненадежно; в тексте могло стоять и притяжательное прилагательное *...оубоцeve* («принадлежащие ...убочу»)» [Там же].

В отличие от П. Д. Малыгина и А. А. Зализняка, мы полагаем, что выделение в грамоте отрезка *боцeve* представляется практически несомненным, и рассматриваем его как (*бѣчѣве*) — форму род. п. существительного консонантного склонения *бѣчи* «бочка». Как показано, в частности, в [Фасмер 1986—1987: I, 202], существует вполне достаточно аргументов в пользу реконструкции этого слова в праславянском именно как старой **ǫ*-основы. К свидетельствам из других славянских языков, приведенным М. Фасмером, — ср. хотя бы болгарское *бѣчва* — можно добавить и ряд собственно-русских данных. Наряду с известным примером из «Жития Феодосия Печерского» (Успенский сборник) — *обрѣте бѣчѣвь тоу* [Слов. XI—XVII: 1, 304], — отметим еще, например, древнерусское *бѣчѣвица* «утолщение на стебле, из которого развивается колос» [Там же], а также фамилию *Бочвар*.

Обнаружение в тексте грамоты Торж. 4 формы (*бѣчѣве*) имеет определенную лингвистическую ценность: до сих пор единственными словами **ǫ*-склонения, встретившимися в берестяных документах, оставались заимствованные в древненовгородский диалект из книжного языка существительные *цѣркы* «церковь» и *цѣлы* «спасение» [ДНД₂: 117].

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о том, является ли словоформа *боцeve* именем нарицательным или же — в соответствии с предположением издателей — именем собственным (т. е. почти наверняка прозвищем). По-видимому, безусловно предпочтительным следует считать второе

из этих решений (на это обстоятельство наше внимание обратила С. А. Бурлак). Принимая его, мы, как кажется, оказываемся в состоянии выдвинуть достаточно правдоподобную гипотезу об общей структуре сохранившейся части грамоты. Отрезок текста, следующий за словом **опа[кы]**, в издании воспроизведен просто как **т-мон**. В [ДНД₂: 456] для того же отрезка предлагается конъектура **т(а)мо н...**, что, на наш взгляд, нельзя признать убедительным. Между тем существует возможность видеть в третьей строке грамоты форму дат. п. **т(н)мон(е)** — ср. то же имя **Тимона** в грамоте № 582. В этом случае весь текст грамоты Торж. 4 предстает более или менее стандартным финансовым распоряжением: «(Грамота [если верхняя из сохранившихся строк грамоты была действительно первой, места для слова *покланание*, как кажется, оказывается недостаточно; разумеется, слово, предшествующее *от*, могло вообще отсутствовать] от X-а к Y-у. Взяв) у Бочвы две гривны, верни [их] обратно Тимоне...» Правда, не исключено, что такое решение наталкивается на палеографические трудности: на прописи, приведенной в издании [НГБ XI: 123], имеется изображение верхней части буквы, стоявшей между *т* и *м*. Сохранившиеся штрихи, если они переданы верно, как будто бы исключают и чтение [а], и чтение [и]: соответствующая буква значительно больше похожа на *о*. Однако получающаяся при этом последовательность **т[о]мон...** не дает никакого ясного смысла; таким образом, эта проблема требует дальнейшего изучения.

Что касается трактовки *боцeve* как нарицательного существительного, то в этом случае едва ли возможно обойтись без предположения о том, что за завершающим первую строку *оу* стоит предлог ⟨*в*⟩, ср. [ДНД₂: 456], а синтаксис всей фразы так или иначе остается гадательным*.

Л и т е р а т у р а

Гиппиус 2004 — А. А. Г и п п и у с. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // В. Л. Я н и н, А. А. З а л и з н я к, А. А. Г и п п и у с. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997—2000 гг.). М., 2004. С. 183—232.

ДНД₁ — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. М., 1995.

ДНД₂ — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.

НГБ XI — В. Л. Я н и н, А. А. З а л и з н я к, А. А. Г и п п и у с. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997—2000 гг.). М., 2004.

Слов. XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1— М., 1975—.

Фасмер 1986—1987 — М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1986—1987.

* Автор выражает искреннюю признательность А. А. Гиппиусу и А. В. Родионовой, прочитавшим первоначальный вариант настоящей статьи и сделавшим ряд важных замечаний.